

В. ЧЕРТКОВЪ.

ОБЪ ИЗДАНИИ
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
МЫСЛЕЙ
Л. Н. ТОЛСТОГО.

Не для продажи.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА.—1915.

№ 5562

В. ЧЕРТКОВЪ.

ОБЪ ИЗДАНИИ
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
МЫСЛЕЙ
Л. Н. ТОЛСТОГО.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с д.
МОСКВА.—1915.

В. Чертков

ОБ ИЗДАНИИ
ПОЛНОГО СОБРАНИЯ
МЫСЛЕЙ
Л. Н. ТОЛСТОГО

Типография Т-ва И.Д. Сытина
Москва - 1915

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нижеследующее сообщение о готовящемся к печати полном собрании мыслей Л.Н. Толстого было составлено еще до войны, ради ознакомления публики с крупным издательским предприятием, имеющим весьма серьезное общественное значение. Почему именно можно так смотреть на это издание, подробно изложено на дальнейших страницах.

Но наступившие за последнее время потрясающие мировые события до такой степени монополизировали внимание общества, что, при мысли о новом издании писаний Толстого, легко может возникнуть сомнение в своевременности такого предприятия. Многие, вероятно, склонны будут возразить, что в настоящую минуту не время заниматься писаниями Толстого. Все общество, скажут они, слишком поглощено непосредственными впечатлениями окружающей действительности, слишком занято практическими заботами о сильном уменьшении вызываемых войной человеческих страданий для того, чтобы в эту минуту интересоваться отвлеченными размышлениями хотя бы и такого великого мыслителя, как Толстой.

А между тем, многие и многие ежедневно вспоминают о Толстом в связи с современными событиями, которые он с такой болью в сердце предвидел и о которых с таким горячим участием предупреждал людей. Об этом между прочим свидетельствуют многочисленные обращения к близко знавшим Толстого лицам о том, как отнесся бы он к происходящим в настоящее время событиям; а также и постоянные упоминания о Толстом в печати, при чем ему часто – намеренно или ненамеренно – приписываются совершенно чуждые ему взгляды.

И это вполне понятно. Общественная роль серьезно мыслящего человека в такое время, как то, которое мы теперь переживаем, не может ограничиться одними только попечениями о жертвах войны, как ни естественна эта деятельность сама по себе и сколько бы самого высокого самоотвержения она ни вызывала. Человек, как существо сознательное, не может удовлетворяться одним только непосредственным реагированием на происходящее вокруг него. Он неизбежно задумывается над внутренним смыслом современных ему событий, стараясь вникнуть в вызывающие их причины и выяснить себе те нравственные и общественные основы, на которых возможно строить лучшее будущее.

Задача эта, разумеется, не под силу никакому единичному лицу, и для ее разрешения необходимо пользоваться той громадной сокровищницей мысли, в которой соединены усилия всего человечества в стремлении к познанию истины. Вопрос о смысле человеческой жизни, о том, как людям наилучшим образом исполнить свое назначение на земле и противодействовать тем бедствиям, от которых страдает человечество, составляет, как известно, основную тему всех писаний Толстого. И разбирает он эти вопросы жизни, не

только руководствуясь своими личными выдающимися способностями, но и пользуясь внимательно изученной им всей предшествовавшей и современной ему просветительной работой человеческого сознания.

В частности же, вопрос о войне, о причинах, вызывающих ее, и об условиях, могущих противодействовать ей, никем из когда-либо живших мыслителей не был так глубоко и столь исчерпывающим образом исследован, как Л.Н. Толстым. Поэтому, желающему основательно разобраться в этом вопросе невозможно обойти его писания. А так как жизнепонимание Толстого представляет одно тесно связанное целое, в котором освещение всяких отдельных вопросов и явлений жизни неизбежным образом вытекает из одних и тех же общечеловеческих истин, то для действительного понимания и правильной оценки хотя бы только его мыслей о войне необходимо быть знакомым со всем его мировоззрением и, тем более, с самыми основами, на которых оно построено.

Вот почему, помимо общего характера тех великих, во всякое время и везде применимых, вечных истин, исследованию которых посвятил свою жизнь Толстой, его писания имеют еще и особенное значение в настоящую минуту. Наивозможно широкое ознакомление людей с жизнепониманием Толстого именно в переживаемое нами теперь трудное и критическое время, казалось бы, более, чем когда-либо, заслуживает сочувствия со стороны всех верящих в возможность наступления лучшего будущего и желающих этому содействовать.

В. Ч.

Ясенки, Тульской губ.
7-го ноября 1914 г.

Необходимость знакомства со взглядами Толстого

Как ни относиться ко взглядам Л.Н. Толстого – сочувственно или отрицательно – знакомство с его жизнепониманием является в настоящее время необходимостью для всякого сколько-нибудь развитого человека.

Новые и новые поколения молодежи непрерывно вступают в сознательный возраст, ища смысла жизни, критически относясь к окружающей действительности и стремясь найти разумное приложение своих сил. Естественно, что одним из первых мыслителей, к которым им приходится обращаться в их напряженных поисках, является и всегда будет Толстой, который задается именно этими, волнующими их вопросами, разрешая их при помощи своего исключительно проникновенного сознания, обогащенного изучением общечеловеческой мудрости всех времен и всех народов.

Но не только молодежь, а вообще всякий просвещенный человек не может обойти Толстого, если он желает быть на высоте современного развития человечества. Незнакомство с идеями Толстого уже и в настоящее время служит признаком недопустимого невежества. И судя по тому, насколько его жизнепонимание опередило современный нам нравственный и умственный уровень людей, можно смело предсказать, что этот интерес к Толстому будет неуклонно возрастать, и что, по мере дальнейшего расширения умственного кругозора и душевных запросов человечества, писания Толстого будут с каждым годом становиться нужнее и дороже для людей.

Наконец, не могут обойтись без близкого и точного знакомства со взглядами Толстого и все те, кто специально занимается литературой, так как статьи о Толстом и ссылки на него – сочувственные, критические и обличительные – составляют в наше время во всех странах необходимый элемент печатного слова всех самых разнообразных направлений.

Для всех этих лиц: для вступающей в жизнь и ищущей новых путей молодежи; для людей всех возрастов, дорожащих истинным просвещением; для мыслителей и писателей всех направлений, не желающих отставать от требований нашего времени; и вообще для всех тех, кто сколько-нибудь интересуется серьезными сторонами и запросами жизни, – знакомство с жизнепониманием и взглядами Толстого теперь так же необходимо, как самые элементарные познания по общему образованию.

А между тем, как это ни странно, очень мало найдется в наше время людей, действительно располагающих полным и точным знакомством со взглядами Толстого на все те вопросы и явления жизни, о которых он высказывался.

Почему трудно знакомиться со взглядами Толстого

Причина этого лежит не в равнодушии читателей, а главным образом в том, что слишком трудно основательно ознакомиться с жизнепониманием Толстого во всем его объеме и во всех его частностях, руководствуясь его писаниями в той только форме, в которой они были напечатаны.

Об одних и тех же предметах Толстой высказывался много раз, подходя к ним с самых различных точек зрения и находясь в разное время в самых разнообразных душевных настроениях. Тому или другому вопросу он иногда посвящал целую книгу, написанную в одном определенном духе. Потом, как бы утомившись тем слишком односторонним освещением, которому он подверг этот вопрос, он, иногда даже очень скоро после окончания сочинения, в каком-нибудь частном письме вскользь обронял об этом же предмете новые мысли, смягчающие допущенные им преувеличения и вообще уравнивающие и пополняющие его прежнюю работу. Или же, сам перед собой в своем дневнике, он со свойственной ему безбоязненной самокритикой подвергал высказанные им раньше взгляды строгой проверке, результатом чего являлось новое рассуждение или выражение новых мыслей и чувств, если не опровергающее прежде написанное, то проливающее на предмет свежий, более яркий и полный свет. Сознание Толстого от юношеских лет и до самой смерти, хотя и в одном направлении, но постоянно развивалось и двигалось вперед, вследствие чего в разные периоды он, естественно, разбирался в вопросах жизни с различной степенью глубины и проникновения. А потому, для того, чтобы узнать действительное отношение Толстого к тому или другому предмету, не достаточно прочесть наиболее специальный или объемистый труд Л.Н-ча по этому предмету, а необходимо ознакомиться решительно со всем тем, что он когда-либо высказывал об этом вопросе в своих дневниках, письмах, художественных произведениях, черновых набросках и пр. Только сопоставив все эти отзывы, возможно определить среднюю пропорциональную и понять действительное отношение Толстого к данному предмету.

Но каким образом достигнуть этого, руководствуясь обыкновенными изданиями его сочинений? Если бы нам понадобилось узнать взгляд Толстого на какое-нибудь частное явление, то нам пришлось бы внимательно перечитать от доски до доски все, что он когда-либо написал, для того, чтобы из этого громадного материала выделить все, прямо или косвенно касающееся данного вопроса; затем сравнить между собой все отобранные таким образом его мысли и отзывы и тогда уже только позволить себе прийти к определенному заключению об его отношении к этому предмету.

Лишь немногим под силу такие исследования, при которых, помимо необходимости иметь под руками все сочинения Толстого, нужно располагать громадным количеством свободного времени и быть готовым приложить к этим розыскам соответствующих отрывков самую напряженную работу по

чтению и выборке их из нескольких десятков томов. Понятно, что при таких условиях люди, даже наиболее интересующиеся жизнепониманием Толстого, вынуждены довольствоваться всю жизнь тем далеко не полным и по необходимости односторонним знакомством с его взглядами, каким они могут располагать, случайно запомнив кое-что из когда-то прочитанных наиболее известных его сочинений или вновь просматривая какие-нибудь отдельные его труды по интересующему их вопросу.

Ведь от потребности ознакомления со взглядами Толстого на те или другие вопросы, стоящие у человека на очереди в данный период его развития, до возможности или желания посвятить все свое время и все свои силы в течение нескольких месяцев одному только изучению писаний Толстого – еще очень далеко. К тому же у каждого человека душевная жизнь развивается по своему, в зависимости от своеобразных индивидуальных условий; и вовсе нежелательно, чтобы эта самобытная внутренняя работа прерывалась, ради исключительного изучения мыслей и убеждений другого человека, хотя бы и самого мудрого. Ознакомление со взглядами великих мыслителей по определенным, интересующим нас в данную минуту вопросам, бывает нам нужно часто только ради справок, ради проверки самого себя, или для того, чтобы дать новый толчок нашему собственному мышлению.

Для того, чтобы возможно было таким образом пользоваться взглядами Толстого, необходимо, чтобы они стали доступны всем и каждому при наименьшей затрате времени и труда. А достичь этого возможно только изданием такой справочной книги, которая служила бы, так сказать, энциклопедией всех когда-либо письменно изложенных мыслей Толстого.

И такое издание в настоящее время готовится.

III

Способ составления полного собрания или «Свода» мыслей Толстого

Эта громадная работа была начата еще в восьмидесятых годах и до сих пор не вполне доведена до конца. Производилась она таким образом: все писания Толстого, включая его дневники и частные письма, внимательно прочитывались, причем каждая мысль, могущая иметь сколько-нибудь самостоятельное значение, отмечалась, и против нее кратко обозначался предмет ее содержания. Затем все отобранные отрывки выписывались или вырезывались и располагались группами согласно общему характеру их содержания. По мере накопления большого количества отрывков в каждом таком отделе, они разбивались на более частные подразделения того же отдела; эти подразделения опять разбивались на более мелкие группы, и так далее, поскольку встречалась в том надобность. Затем, в каждом из окончательных наиболее мелких подразделений отдельные мысли, собранные из самых разнообразных источников, располагались в возможно систематической последовательности по

смыслу их содержания, при чем, разумеется, против каждого отрывка обозначалось, откуда он взят и в каком году написан. В тех случаях, когда в отрывке, отнесенном по содержанию к определенному отделу, косвенным образом затрагивался вопрос, относящийся к другому отделу, помещалась о том подстрочная отметка и в другом отделе делалась соответствующая ссылка.

Полученная таким образом разбивка всех мыслей Толстого по отделам и дальнейшим подразделениям снабжена тщательно составленным подробным оглавлением, предназначенным служить для облегчения справок. По оглавлению легко немедленно найти в этом собрании или «Своде» мыслей Толстого все, что относится к той теме, которая в данную минуту интересует читателя, как бы она ни была мала или незначительна. При выработке общих отделов оглавления мы старались по возможности придерживаться системы, принятой самим Львом Николаевичем при составлении им в последние годы его жизни сборников «Круг чтения», «На каждый день» и «Путь жизни».

Кто никогда не задумывался над обще-распространенной потребностью справляться о том, как относился Толстой к тому или другому вопросу, и кто не имеет еще ясного представления об этом готовящемся собрании мыслей Толстого, – тот может, под первым впечатлением, возразить, что не подобает кромсать на произвольные мелкие кусочки произведения такого великого писателя, как Толстой, который сам лучше кого-либо другого знал, в какой форме предлагать своим читателям то, что он имел сказать. Такой критик мог бы прибавить, что дальнейшая компиляция из выделенных таким образом мыслей Толстого, не принимающая в соображение ни их хронологической последовательности, ни органической связи с контекстом, может придать неверное освещение приводимым мыслям и даже исказить их действительное значение в зависимости от индивидуальных предпочтений составителей или несовершенства их приемов группировки; и что поэтому лучше предоставить читателям самим разбираться в подлинных произведениях Толстого, нежели посторонним людям пытаться перерабатывать их при помощи непрошенных сопоставлений и компиляций. К чему еще издавать какое-то «полное собрание мыслей» Толстого, когда имеется «полное собрание» всех его сочинений, в котором все его мысли уже содержатся и притом расположены самым естественным образом в том виде, в каком они появились из-под пера автора?

Возражения эти были бы совершенно справедливы, если бы предполагалось готовящимся «Сводом мыслей Толстого» *заменить* те произведения, из которых черпаются приводимые в нем мысли, и если бы с появлением его в свет были *изъяты из обращения* издания подлинных произведений Толстого. Но само собою разумеется, что «Свод» или «Полное собрание мыслей Л.Н. Толстого» не имеет ни малейшей цели конкурировать с его «Полным собранием сочинений». Стоит ли говорить о том, что никакие выдержки или компиляции, как бы тщательно или полно они ни были составлены, не могут ни в чьих глазах заменить цельных произведений автора, изданных в том виде, в каком он их сам готовил для печати. Предполагаемый «Свод мыслей Толстого» будет иметь значение преимущественно как *необходимое справочное из-*

дание, без которого в известных случаях невозможно будет обходиться. И обращение к нему тех лиц, которых в то или другое время занимает тот или другой частный вопрос, не только не отвлечет читателей от подлинных произведений Толстого, но может, наоборот, лишь увеличить их интерес к этим писаниям.

Что касается неверного освещения взглядов Толстого путем пристрастной компиляции, то, не говоря о том, что этой работой, в данном случае, заняты люди, находящиеся в полном единомыслии с Толстым и желающие только самого точного и всестороннего выяснения его жизнепонимания, – такое неверное освещение возможно было бы только при неполной компиляции, когда от составителей зависел бы выбор того, какие мысли включить, какие выпустить. Но в наш «Свод» должны войти решительно все мысли без исключения, когда-либо изложенные Толстым, совершенно независимо от степени их сравнительной важности, а тем более – от личного отношения к ним редакторов.

Наконец, мы имеем мнение самого Льва Николаевича об этой работе. А он, как автор, разумеется, тотчас же запротестовал бы, если бы заметил малейшее искажение своих мыслей или какой-нибудь ущерб для его взглядов при таком их изложении.

IV

Отношение Л.Н. Толстого к «Своду»

Лев Николаевич знал о приготовлении нами «Свода» его мыслей и очень интересовался этой работой. Он даже принимал в ней личное участие. А именно, с тех пор, как она началась, он при писании своих новых произведений стал свободнее, чем раньше, отмечать особым знаком те места в своих черновиках, которые он почему-либо находил обременительными в данном произведении, но которыми, тем не менее, настолько дорожил, что желал сохранить их для своих читателей. Таким образом, из писаний Толстого накопилось значительное количество материала, нигде еще не изданного, и этот материал впервые появится в «Своде». Л.Н. не раз говорил мне, что сознание того, что выпускаемые им, при обработке своих писаний, места не останутся без движения, но будут нами напечатаны в свое время и на своем месте в нашем «Своде», значительно облегчает его текущую работу; раньше же он часто находился в нерешительности, что с этими мыслями делать, и сожалел о том, что они непроизводительно пропадут, если он их вычеркнет.

В прежнее время он старался заносить такие мысли в свой дневник, как свидетельствуют следующие записи из его дневника:

«Часто в сочинении задерживаешь желание вклеить хорошую или хорошо выраженную мысль. Поэтому, как только мысль с трудом вклеивается, – вписывать ее в дневник, не останавливаясь на желании поместить ее именно там-то. Мысль сама найдет себе место» (4 января 1854 г.).

«Часто мне приходят ясно выраженные мысли, радостные и полезные для меня; не найдя им места, я забываю их. Буду записывать. Кому-нибудь пригодятся» (апрель 1885 г.).

Но вторично переписывать мысли, изложенные в черновиках и затем исключенные из готовящегося произведения, представляет весьма обременительный труд при напряженной творческой деятельности. А потому неудивительно, что Л.Н. очень обрадовался, когда узнал, что мы стали собирать его отдельные мысли для составляемого нами «Свода».

В апреле 1891 г. он писал мне: «Я Машу¹ просил послать вам черновые. Она отобрала их и пошлет с первой поездкой. Я очень рад этому. Часто в черновом бывают мысли, которые жалею, и я кривлю *charpente bieu*² вещи, чтобы вставить это, кажущееся мне хорошим, а теперь я буду знать, что если там есть хорошее, то вы его найдете и куда-нибудь поместите».

В 1907 г. наша работа над «Сводом», хотя далеко еще не включавшая всего, что было написано Л.Н-м даже к тому времени, представляла, однако, достаточно объемистый и разнообразный материал для того, чтобы его можно было предоставить Л.Н-чу для его отзыва и использования, если это окажется для него удобным при составлении им его сборников для ежедневного чтения. Когда Л.Н. ознакомился с содержанием доставленного ему большого ящика, разбитого перегородками на отделения, в которых систематически расположено было громадное количество скрепленных между собою по озаглавленным группам листочков с его мыслями, во многих случаях давно им самим забытыми, то он пришел в восторг и умиление. Восторгался он тем, что может теперь возобновить в своей памяти пережитую им работу своего сознания по каким угодно вопросам, таким образом избавляя себя от излишних повторений в своих новых писаниях, и, вместе с тем, черпать из этого запаса все, что ему нужно для составлявшихся им в то время сборников («Круг чтения», «На каждый день» и «Путь жизни»). Умилялся он той, как ему, по свойственной ему скромности, казалось, незаслуженной им любовью и вниманием, которые побудили его друзей исполнить такую большую и кропотливую работу над его писаниями.

Л.Н. тогда же немедленно приступил к практическому использованию доставленного ему экземпляра «Свода».

Мы читаем в книге Н.Н. Гусева «Два года с Л.Н. Толстым» от 25 июля 1908 г.: «Сегодня в обычные часы утренних занятий Л.Н-ча я читал ему, по его просьбе, выбранные из всех его сочинений и собранные в «Своде» его мысли о государстве. Л.Н. выбирал лучшие из них для помещения в новый «Круг чтения», над которым он теперь работает. – Когда читаешь это все подряд, сказал мне Л.Н., то это так ясно, что кажется тавтологией». В той же книге от 27 июля того же года встречается такая запись: «Если число мыслей какого-либо дня кажется Л.Н-чу недостаточным, я читаю ему вслух его же мысли по данному вопросу из «Свода», из которых он и выбирает подходя-

¹ Покойная дочь Л. Н-ча, Марья Львовна.

² Приноравливая.

щие для «Круга чтения».

Так продолжал Л.Н. пользоваться нашим «Сводом» до окончания своей работы над этими сборниками.

Мало того, нередко, читая листки из «Свода», он уяснял себе свои мысли и тут же на листках исправлял или в нескольких словах развивал их, находя более ясную, общедоступную и четкую, чем прежде, форму для их выражения. Таких листков «Свода» с собственноручными поправками Л.Н-ча сохранилось несколько сотен.

О сочувственном отношении Л.Н-ча к «Своду» можно судить также и по некоторым записям в его дневнике:

«Вчера посмотрел «Свод мыслей». Хорошо бы было, если бы это было так полезно людям, как это мне кажется в минуты моего самомнения» (7 сентября 1907 г.).

«Умилялся на работу Н. и других друзей над «Сводом». И думаю и сомневаюсь, что это стоит того. Но мне приятно, приятно это сплочение моего духовного «я» (5 августа 1908 г.).

Другу своему, Ф.А. Страхову, с 1907 года заведывающему ближайшей работой по составлению «Свода», Л.Н. говорил:

«Меня как-то смущает, совестно, что вы этим занимаетесь. Не могу себе представить, чтобы другим это было так важно. Для меня же эта работа в высшей степени не только приятна, но полезна. Я живу весь в этих мыслях. И во сне они мне вспоминаются. Очень, очень это мне приятно».

Мне Л.Н. много раз высказывал свою, совершенно мною незаслуженную, благодарность за доставлявшую мне одну только радость работу над «Сводом» его мыслей. В первое время после получения ящика с предоставленным в его распоряжение списком «Свода», Л.Н. водил всех в свой кабинет, чтобы показать им свою новую драгоценность. При этом он нас всех умилял своей непосредственной радостью, напоминавшей наивный восторг ребенка, неожиданно получившего великолепный подарок. Всего трогательнее было его недоумение перед тем, как могли другие люди так дорожить его мыслями, чтобы посвятить столько труда и времени на составление этой громадной компиляции.

Помню, как в то время он однажды был у нас и, обращаясь ко мне, сказал: «Я нынче утром занимался вами, читал ваш свод моих мыслей». Затем он вдруг замолчал, опустил голову, взял в руки лежавший на столе футляр с очками моей жены и стал пристально рассматривать, как он открывается и закрывается. Естественно очень заинтересованный тем, что он собирался сказать по поводу глубоко занимавшей меня работы, и не поняв, почему он остановился, я сказал ему шутя: «Да не отвлекайтесь же, Лев Николаевич, свод ваших мыслей важнее, чем очки!» Но он все продолжал молча вертеть в руках футляр. И тут я заметил, что он потому замолчал, что слишком расчувствовался, чтобы продолжать говорить. В тот же день, идя с ним купаться и не желая потерять того, что он мне не договорил, я спросил его, одобряет ли он «Свод»? – «Как же можно не одобрять, – ответил он, – вот это настоящая моя биография, биография моей мысли. Я заглянул в «Свод», чтобы посмотр-

реть, нет ли чего подходящего для «Круга чтения», стал читать отдел 8-й и зачитался. Я начал... и все очень цельно и связно». И опять он прослезился от умиления, заметив при этом: «Однако, как я слаб стал». Потом он прибавил: «Но мне не хотелось бы, чтобы при жизни моей это печатали. Если после смерти кому-нибудь понадобится, тогда напечатают».

В другой раз Л.Н. сказал мне, что наш «Свод» действует на него, как музыка.

И он не только не разделял опасений тех, кто полагал, что разбивка его писаний на отдельные мысли умаляет значение его произведений, но, напротив того, он именно в этой отрывочности мыслей видел особенное достоинство «Свода». Про один из его отделов он мне сказал: «Мне нравится разрозненность. Видно, до чего с величайшими усилиями человек додумался. А так как он думал об этом в течение десятков лет, то читатель уже найдет для себя связь. Хорошо, что нет этой философской системы».

Эту же мысль Л.Н. более обстоятельно высказал в своем предисловии к сборнику «Избранные мысли Лабрюйера, Ларошфуко, Вовенарга и Монтескье», составленному Г.А. Русановым:

...«Деятельность человеческого разума по отношению познания законов, управляющих жизнью людей, всегда проявлялась двояко. Одни мыслители старались привести в определенную связь и систему все явления и законы жизни человеческой... Другие же содействовали познанию законов человеческой жизни не стройными системами, а отдельными наблюдениями над этой жизнью, меткими выражениями, указывающими на те вечные законы, которые руководят ею...

«Выгода мыслителей первого рода: связность, полнота, стройность их учения. Невыгода: искусственность построения, придуманность связи между частями, часто явные отступления от истины ради соблюдения стройности целого учения, и, вследствие этого, часто неясность, туманность изложения.

«Выгода вторых: непосредственность, искренность, новизна, смелость и как бы стремительность мысли, ничем не связанной, и сила выражения. Невыгоды: отрывочность, иногда внешнее противоречие, хотя большей частью кажущееся, а не внутреннее.

«Главное же преимущество... то, что... книги второго рода не только не подавляют самостоятельной деятельности ума, но, напротив, вызывают ее, заставляя читателя или делать дальнейшие выводы из прочитанного, или, иногда даже совершенно не соглашаясь с автором, спорить с ним и приходиться к новым, неожиданным заключениям»...

Еще о том же Л.Н. говорит в своем дневнике: «Думаю о том, как распределить мысли для нравственного учения детского, и вижу, что в духовной области нет первого, второго, третьего, нет более или менее важного. Все одинаково важно, и все первое. Евангельские работники наняты в разные часы дня» (5 апреля 1907 г.).

«Мне не надо (да и некогда), главное, не надо писать систему. Из того, что я здесь записываю, выяснится мой взгляд на мир, и если он нужен кому, то им и воспользуются» (16 декабря 1900 г.).

«Есть огромное преимущество изложения мысли вне всякого цельного сочинения. В сочинении мысль должна часто сжаться с одной стороны, выдаться с другой, как виноград, зреющий в плотной кисти; отдельно же выраженная, ее центр на месте, и она равномерно развивается во все стороны» (28 августа 1891 г.).

«Философские системы – это плохо сложенные своды, замазанные известкой с тем, чтобы не видно было их непрочности. Свод из неотесанного камня, если держится, то наверное прочен. Мало того свод самый прочный – тот, который строился бессознательно, как природная пещера» (2 марта 1906 г.).

Замечательно, как, высказанное Л.Н-м в последнем отрывке, замечание, понимавшееся им, разумеется, в общем смысле, – о строившемся бессознательно, самом прочном своде – подходит к нашему частному случаю составления «Свода» из его мыслей, первоначально выраженных им вовсе не для этой цели, а по совершенно другим поводам. Таково отношение самого Л.Н-ча Толстого к изготовляемой энциклопедии его мыслей. Нам важно это его сочувственное отношение к нашей работе потому, что оно дает нам уверенность в том, что, собирая, для удобства изучающих его жизнепонимание, его мысли в новой их группировке, мы действуем с полного одобрения их автора, успевшего до своей смерти ознакомиться с нашей работой и своим горячим одобрением как бы благословить нас на ее окончание.

V

Издательская сторона предпринятого «Свода»

Читателям, интересующимся подготовляемым «Полным собранием мыслей Л.Н. Толстого», небезынтересно будет получить некоторое представление о внешнем виде и порядке осуществления этого издания.

Определить в точности объем всего издания не представляется еще возможным; но по приблизительному подсчету следует предполагать, что оно, вероятно, будет содержать не менее 16.000.000 букв, т.е. приблизительно 3.000.000 слов или 10.000 страниц. В нем будет собрано около 25.000 отдельных отрывков из писаний Толстого. Томов, вероятно, будет от 15-ти до 20-ти, если не больше.

Оглавление этого многотомного издания для облегчения быстрого нахождения любой темы будет настолько подробно, что само по себе займет целый том.

Выходить тома будут постепенно, причем для удобства читателей с ограниченными средствами цена их будет самая умеренная. Кроме того, быть может, одновременно выпущено будет и другое издание, в котором содержание каждого отдельного тома первого издания будет сброшюровано в виде серии отдельных книжечек, соответственно подразделениям сгруппированных мыслей, для того, чтобы читатели, интересующиеся отношением Толстого к тому или другому специальному вопросу, могли приобретать соот-

ветствующую брошюру, не расходуясь на весь том.

В России, разумеется, придется издать «Свод» с изъятием тех частей, которые недопустимы по цензурным условиям.

Вместе с тем следует помнить, что Толстой писал не для одних русских читателей, но для всего человечества. Это он хорошо сознавал, в особенности во второй период своей литературной деятельности, начиная с 1881 года, когда большинство его произведений стали запрещаться в России, а за границей стали читаться с огромным, постоянно возрастающим интересом и печататься в огромном количестве переводов на всевозможные языки. Во время самой работы над своими писаниями Толстой большей частью имел в виду читателя не только русского, но и «общечеловеческого» и часто определенно высказывался в таком смысле. Да иначе и быть не могло, с одной стороны, потому, что общее направление его мыслей и содержание его писаний относятся к религиозно-нравственным, философским и общественным вопросам, одинаково близким людям решительно всех национальностей; а с другой – потому, что, благодаря тем же русским цензурным условиям, его сочинения более точно и полно издавались и несравненно шире распространялись именно не на русском, а на иностранных языках.

В виду этого в высшей степени желательно было бы издать «Полное собрание мыслей Толстого» в несокращенном виде на каком-нибудь из наиболее распространенных иностранных языков. Таким языком следует признать английский, господствующий не только в Англии, среди рабочего населения которой Толстой имеет особенно большое количество читателей, но и в великобританских колониях и в Америке; так что издание на английском языке распространялось бы по всем направлениям земного шара.

Но, конечно, на первую очередь следует поставить издание на нашем отечественном языке, напечатанное в самой России, хотя бы до поры до времени и в сокращенном виде, тем более, что в жизнепонимании Толстого все так тесно связано и так естественно и неизбежно вытекает одно из другого, что в сознании чуткого и вдумчивого читателя само собою пополняется наиболее существенное из нехватящего в изложении.

В настоящее время и предполагается начать с этого русского издания в России «Полного собрания мыслей Л.Н. Толстого».

VI

Значение готовящегося издания

Различные сборники, составленные из мыслей Толстого по разным вопросам, уже часто печатались, неизменно пользуясь большим успехом и выдержавшие многочисленные издания. Неоднократно также появлялись и более объемистые компиляции, дававшие понятие об общем жизнепонимании Толстого посредством сгруппированных по содержанию выдержек из его изданных писаний. Эти сборники также встречали большое сочувствие со стороны

читателей. Сам же Л.Н. всегда радовался появлению таких собраний его мыслей и выражал горячую благодарность их составителям.

Как раз в то время, когда писались эти строки, мне попало в руки составленная уже после смерти Л.Н-ча книжка такого компилятивного содержания, в предисловии к которой автор высказывает совершенно самостоятельные соображения, подтверждающие те именно мотивы, которые вызвали составление готовящегося полного собрания мыслей Толстого. Привожу выдержку из этого предисловия:

«Для того, чтобы возвести более или менее полное и стройное здание его учения, нужно рыться во всех его богословских и философских трудах, черпая отсюда драгоценные частности и соединяя их с другими, личнотолстовскими оригинальными идеями и воззрениями, почерпнутыми из иных его книг. Необходимость такой систематической работы станет вполне ясна, если окинуть общим взглядом колоссальную по сложности внутреннюю жизнь писателя, если вспомнить о всех его путях и перепутьях. Река его жизни не знала спокойного и единообразного движения, а неслась и в старости напряженным и мощным течением. Понятно, что он не мог оставить нам труда, в котором отразилась бы последовательно и полно вся работа его духа. Учение Толстого нужно искать не в каком-либо отдельном произведении, а во всей совокупности его художественных и религиозно-философских работ»³.

Но, разумеется, все подобные издания далеко не исчерпывают всего высказанного Толстым даже по тем вопросам, которым они посвящены, и представляют только первые шаги в желательном направлении, подтверждающие то, что нашу полную энциклопедию мыслей Толстого, несомненно, ожидает большой успех.

Во всяком случае, принимая в соображение духовные интересы общей массы читателей настоящего и предстоящих поколений всех национальностей, можно не сомневаться в крайней своевременности подобного издания. Постоянно и со всех сторон самые разнообразные лица нас спрашивают, что думал Толстой о том или другом вопросе, которого он не касался в своих больших произведениях и статьях или касался в них недостаточно исчерпывающим образом. А когда нам представляется возможность предложить таким лицам самим для себя прочесть в нашем списке «Свода» все высказанное Л.Н-м по этому поводу, то в большинстве случаев не бывает границ их благодарности и радости. Иначе, конечно, и быть не может, так как в деле выяснения внутренних душевных сомнений и затруднений еще больше, чем во всем другом, дорога своевременность получаемой помощи.

Также постоянно приходится замечать то прискорбное явление, что критики Толстого, ознакомившись с какими-нибудь его мнениями по одному, наиболее распространенному его сочинению, начинают пространно его опровергать, уличая его в односторонностях, крайностях и недомыслиях единственно потому, что им совершенно неизвестно, что Толстой не один, а

³ Из предисловия к книге: «Религия Толстого», Н. Я. Абрамовича, изд. Маевского, Москва.

много раз высказывался об интересующем их предмете, освещая его с самых разнообразных сторон, между прочим касаясь и того самого, что они выставляют в его опровержение, но выражая это гораздо яснее и глубже, чем они.

Вообще, при всем несомненном интересе к Толстому, среди общества, к сожалению, распространено немало недоразумений и самых неверных представлений об его взглядах на многие вопросы, вследствие чего люди не могут еще пользоваться работою его мысли так, как это было бы желательно и как, несомненно, будет тогда, когда эти взгляды станут всем легко доступны.

На основании этих и многих других причин мы уверены в том, что появление в свет «Свода мыслей Толстого» сыграет существенную роль в истории развития истинного просвещения. И уверенность эту, мы думаем, разделят с нами все те, кто признает Толстого за глубокого мыслителя, собравшего в себе, как в фокусе, лучи общечеловеческой мудрости и выразившего, как никто другой, те самые высокие, чистые, разумные и благие идеалы, которые каждое человеческое существо сознает в своей душе, но не всегда умеет для себя оформить. Если же справедливо то, что в Толстом, таким образом, олицетворяется совесть современного человечества, то появление *полного свода его мыслей* в форме, одинаково удобной как для немедленных справок, так и для детального, серьезного ознакомления с ними, без сомнения, должно благотворно отразиться на дальнейшем развитии человеческого сознания.

Вместе с тем людям, чтящим память и заветы Льва Николаевича Толстого, трудно найти более подходящую форму для проявления своей любви, уважения и признательности к нему, чем создание ему такого памятника, как собрание воедино всех его мыслей. После смерти выдающихся людей благодарное человечество имеет обыкновение воздвигать в их память монументы и благотворительные учреждения. По отношению к Толстому, разумеется, было бы уместнее всего создание такого памятника, который наиболее соответствовал бы его духовному облику. Таким именно наилучшим памятником, в данном случае, несомненно, и явилось бы издание того «Полного собрания» или «Свода» его мыслей, в котором он сам видел «сплочение» своего «духовного я».

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	1
I. Необходимость знакомства со взглядами Толстого.....	3
II. Почему трудно знакомиться со взглядами Толстого.....	4
III. Способ составления полного собрания или «Свода» мыслей Толстого.....	5
IV. Отношение Л. Н. Толстого к «Своду»	7
V. Издательская сторона предпринятого «Свода».....	11
VI. Значение готовящегося издания.....	13

Что еще нужно для осуществления издания

Та часть работы, которая уже осуществлена над «Сводом» мыслей Л.Н. Толстого, помимо весьма большого количества труда потребовала и значительных денежных затрат за истекшие 27 лет, в течение которых она производилась.

Для того, чтобы дать хоть некоторое представление о количестве труда, необходимого для составления подобного рода «энциклопедии», можно указать на то, что прошлое лето работою этою занималось одновременно до 13 человек. Одни из них – редакторы – руководили всеми работами. Другие занимались «разбивкой» текста писаний Толстого на те отдельные мысли, из которых должен состоять «Свод», и систематическим их распределением по предметам или вопросам, затронутым в них. Третьи проверяли текст этих отрывков, переписывали их на машине или вырезали из книг, наклеивали на отдельные листки, проставляли на них обозначения и нумерации и регистрировали их в справочные книги по трем категориям: 1) по порядку нумерации, 2) по порядку отделов «Свода» и 3) в алфавитном порядке. Остальные, наконец, исполняли разного рода дополнительные работы.

Понятно, что такая многосторонняя работа требует участия сотрудников с самыми различными степенями умственной подготовки, начиная с людей с высшим образованием и литературной опытностью и кончая чисто механическими работниками, способными, однако, на самое добросовестное, внимательное и аккуратное исполнение своих кропотливых задач.

Сотрудничество этих людей, разумеется, доступно только при обеспечении им заработка, соответствующего характеру их занятий. Хотя сама эта работа и цель ее настолько располагают сотрудников в ее пользу, что они, занимаясь ею, часто бывают готовы поступиться, насколько это им возможно, своими материальными выгодами, тем не менее их положение большей частью таково, что они должны зарабатывать средства, необходимые для содержания себя и своих семейных. Привлекать же к занятиям по «Своду» даровых работников оказалось на опыте совершенно нецелесообразным, так как сотрудники-любители уделяют труду слишком неопределенное количество времени и неизбежно вносят беспорядок в работу, что при сложности подготовляемого издания крайне неудобно.

Осуществленная до сих пор работа по «Своду» уже исчерпала те несколько десятков тысяч рублей, которые имелись в распоряжении редакции; и она, в настоящее время, к сожалению, совершенно не располагает необходимыми средствами для завершения крупного труда, на который, как уже было указано, не один десяток лиц затратило столько времени и сил.

Для того, чтобы довести дело до конца, т.е. чтобы выпустить в свет весь «Свод» размером приблизительно в 15-20 томов, что, вероятно, потребует еще около трех лет упорной работы, – необходимо располагать фондом приблизительно в 26 тысяч рублей. Из них 8 тысяч нужны для покрытия долга, лежащего на этом издании, а остальные 18 тысяч пришлось бы распределить

на три года работы, считая по 6 тысяч рублей в год.

В настоящее время осталась налицо только небольшая центральная группа таких сотрудников «Свода», которые за последние годы не только втянулись в это сложное дело и очень основательно ознакомились со всеми его деталями, но успели выработать и усвоить необходимые приемы совместного труда. Если, вследствие недостатка средств, необходимо будет лишиться и этих сотрудников, хотя бы только на один год, то впоследствии, когда они уже посвятят себя другой деятельности, их невозможно будет вновь собрать. Заменить же их другими сотрудниками, которым пришлось бы сызнова изучать все дело во всех его мельчайших подробностях, было бы в высшей степени и затруднительно, и крайне невыгодно со стороны производительности работы, далее если бы к тому времени в распоряжении редакции и оказались недостающие в настоящую минуту средства.

Именно поэтому и желательно, чтобы вся сумма, необходимая для окончательного завершения этого издательского предприятия, была обеспечена теперь же, хотя поступать в распоряжение редакции она могла бы и постепенно, в течение предстоящих трех лет занятий над изданием «Свода».

Если же окажется невозможным заручиться фондом такого размера, то для того, чтобы не лишиться теперешних, освоившихся с этим делом, сотрудников и не прерывать окончательно самой работы, – необходимо, чтобы наступивший 1915 год был обеспечен суммой в размере не меньшем 3500 рублей.

Эта последняя сумма была бы, разумеется, лучше, чем ничего. Но такое частичное поступление средств неудобно тем, что только на время обеспечивало бы работу и потому могло бы создать крайне нежелательные перерывы в занятиях. Вместе с тем самое разыскивание и собиранье недостающих средств отвлекало бы внимание редакторов от их прямой задачи, требующей всего их времени и всех их сил для спокойной и выдержанной работы над окончательной обработкой «Свода».

Вот почему для правильной постановки дела чрезвычайно желательно обеспечение в размере всей требуемой суммы, хотя, конечно, и всякая менее крупная материальная поддержка была бы принята с благодарностью.

Заведование фондом, необходимым для осуществления издания, предполагается поручить комитету из опытных в деловом отношении лиц, пользующихся общественным доверием.

Заимствованную сумму редакция рассчитывает постепенно погашать прибылью от издания. Но в какой мере и в какой срок может осуществиться такое погашение – будет всецело зависеть от того, в каком количестве и с какой быстротой это издание будет раскупаться. Можно с уверенностью сказать только то, что с течением времени спрос на это издание будет постоянно возрастать по мере развития среди читателей потребности в истинном просвещении и увеличении, в связи с этим, интереса к серьезному изучению писаний Толстого.